

Тя
ЛАС

РИКОШЕТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Его идеальная жертва

Тэя Ласт

Рикошет. Его идеальная жертва

«Автор»

2026

Ласт Т.

Рикошет. Его идеальная жертва / Т. Ласт — «Автор», 2026

— Твой идеальный мир сдохнет прямо здесь, принцесса, — его жесткие пальцы впиваются в мои плечи, намертво прижимая к стене. — Ты просто животное, которое отыгрывается на девчонке, — выплевываю я, не отводя взгляд, хотя внутри всё дрожит от его близости. Он нависает надо мной, и меня обжигает его дыхание — смесь мяты и темной опасности. Его губы кривятся в хищной усмешке. — Я тот, кто сожжет твою фальшивую жизнь дотла. И поверь, Соколова, тебе это даже понравится. Он — парень без прошлого. Тень, появившаяся из ниоткуда, чтобы превратить мою жизнь в ад. Он запустил грязную травлю, растоптал мою репутацию и отнял всех, кому я верила. Он загнал меня в угол, ожидая, что я сломаюсь и со слезами приползу к нему на коленях. Но я не стану покорной жертвой. Даже если это будет стоить мне сердца. Только чем глубже я погружаюсь в наше противостояние, тем больше понимаю: есть что-то, чего мне лучше не знать.

Содержание

Глава 1. Саша	5
Глава 2. Ястреб	10
Глава 3. Саша	13
Глава 4. Ястреб	16
Глава 5. Саша	20
Глава 6. Ястреб	24
Глава 7. Саша	27
Глава 8. Ястреб	30
Глава 9. Саша	33
Глава 10. Саша	36
Глава 11. Саша	39
Глава 12. Ястреб	43
Глава 13. Саша	46
Глава 14. Саша	50
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Рикошет. Его идеальная жертва

Глава 1. Саша

Дима захлопывает багажник своей новенькой «Ауди» и привычным жестом поправляет волосы, глядя на свое отражение в тонированном стекле.

У нас есть традиция спорить о планах на выходные прямо на парковке универа, пока он еще не врубил музыку на такую громкость, чтобы не слышать моих отказов.

— Артём нормальный, — говорит Дима, открывая передо мной пассажирскую дверь.

Не потому что джентльмен, а потому что на нас смотрят девчонки с юрфака. Этот жест отработан у него до автоматизма, как и брендовый шмот, который на нем надет.

— Ты просто его плохо знаешь, Саш.

— Я знаю его ровно настолько, чтобы понимать: его тусовки заканчиваются либо полицией, либо чьей-то разбитой тачкой, — я забираюсь на кожаное сиденье. — Дим, я пас.

— Это было один раз!

— Два.

— Ладно, два, — он смеется, обходя машину. Садится за руль и поворачивается ко мне. — Но в этот раз будет цивильно, обещаю. Закрытая туса, загородный дом, только свои. Ты когда вообще последний раз нормально отрывалась? Не сидела с курсовыми, а просто выдыхала?

Я молчу. Возразить нечего, но и соглашаться не хочется.

Он заводит мотор.

— Едешь? — спрашивает уже тише, включая свое фирменное обаяние. То самое, на которое я почему-то повелась полтора года назад.

— Еду, — сдаюсь я, глядя в окно.

Он довольно улыбается, и «Ауди» плавно вырывается со стоянки. Но вместо привычного маршрута в центр, мы сворачиваем в сторону промзоны.

— Нам куда?

— В гаражи, там Леха держит левый сервис, — Дима морщится, словно само слово «гаражи» оскорбляет его слух. — Мой бардачок у него остался после ремонта, а там ключи. На пять минут заскочим.

— Ты оставил ключи от дома в бардачке в гаражах? Seriously?

— Да никто не тронет, знают же, чье это, — он бросает на меня виноватый взгляд.

Пока мы едем, элитные высотки сменяются бетонными заборами, грязью и лужами, в которых отражается серое весеннее небо. Гаражный кооператив выглядит так, будто здесь снимают криминальные сводки. Ряды ржавых железных ворот, разбитый асфальт, запах солярки и сырости.

Дима тормозит у открытого бокса, внутри которого горит тусклая лампа.

Он выходит из машины. Я секунду смотрю на грязные лужи, на свои белые кроссовки, вздыхаю и тоже открываю дверь. Сидеть одной в тачке посреди этой дыры мне нравится еще меньше.

Внутри гаража пахнет жженой резиной, машинным маслом и сырым бетоном. Под старым подъемником торчат ноги в темных рабочих штанах. Раздается глухой стук металла о металл.

— Леха! — Дима делает шаг внутрь, засунув руки в карманы куртки. — Это Климов. Я за бардачком.

Из-под машины тишина, только лязг ключа.

— Ау, гараж! Оглохли? — Дима повышает голос. Включает того самого «хозяина жизни», которого я терпеть не могу. — Мне долго ждать?

— Лехи нет, — раздается из ямы глухой, низкий и абсолютно равнодушный голос. — До завтра.

Дима презрительно кривится.

— В смысле «до завтра»? Эй, работник, выползай сюда.

Секунду ничего не происходит, а затем человек из-под машины выкатывается на ролик-вой доске. Сначала на свет появляются руки с проступающими венами, испачканные по локоть в черном мазуте. А потом он в одно движение встает, медленно вытирает ладони грязной тряпкой и, наконец, поворачивается к нам.

Воздух в гараже словно становится плотнее.

Парень ростом с Диму, но на этом сходство заканчивается. Дима рядом с ним выглядит легким, глянцевым. А этот... от него волной исходит тяжелой угрозой. Широкие плечи под темной майкой, короткий ежик темных волос, жесткая линия челюсти, бледный шрам над левой бровью.

И глаза. Светлые, почти прозрачно-зеленые на мрачном лице. Они сканируют Диму так, словно прикидывают, куда больше ударить.

— Ключи у Лехи, — повторяет парень ровно. — Придешь завтра.

— Слышь, ты, — Дима делает шаг вперед, его голос звенит от показной борзости. — Ты вообще знаешь, чья это машина? Мне ключи нужны сейчас. Либо ты звонишь своему Лехе и он привозит их сюда, либо я сейчас позвоню людям, и этот ваш сарай закроют к чертовой матери. Понял?

Парень молчит. Он просто бросает тряпку на заставленный инструментами стол и делает один-единственный шаг к Диме.

В этом шаге нет суеты. Только чистая, концентрированная опасность хищника, которому надоело слушать лай комнатной собачки.

И Дима пугается. Я вижу это своими глазами. Вижу, как с него слетает весь мажорный лоск. Он сглатывает, его плечи дергаются, и он инстинктивно, жалко отступает назад.

— Номер Лехи на стенде, — голос парня звучит так тихо, что волосы на моих руках встают дыбом. — Звони сам. А голос на меня еще раз повысишь — выйдешь отсюда без зубов.

Дима открывает рот, потом закрывает.

— Я... сам позвоню, — бормочет он, мгновенно сдувшись.

Отворачивается к стенду и судорожно достает телефон, делая вид, что так и планировал. Мне становится за него до тошноты стыдно.

И в этот момент взгляд светлых глаз перемещается на меня. Меня словно бьет током, сердце делает жесткий, болезненный удар о ребра.

Он смотрит не так, как парни в универе. Без оценки моей одежды, без заигрывания. Он смотрит тяжело, проникая куда-то под кожу, отчего во рту мгновенно пересыхает.

— Тебе тоже что-то нужно? — спрашивает он.

— Нет, — мой голос звучит тише, чем я хотела. — Я просто...

Он не дает мне договорить. Берет со стола грязный клочок бумаги с нацарапанным номером и протягивает мне.

— На случай, если твой друг от страха забудет, как цифры набирать.

Я должна промолчать, должна развернуться и уйти. Но какая-то странная, пугающая сила заставляет меня протянуть руку.

Я беру бумажку.

Его жесткие пальцы, шершавые от мозолей, намеренно скользят по моему запястью. Я резко втягиваю воздух сквозь зубы и отдергиваю руку, словно обожглась. По коже пробегает обжигающая дрожь.

Он склоняется чуть ближе. Запах машинного масла, мужского пота и чего-то опасно-темного бьет по моим рецепторам.

— Береги ручки, принцесса, — произносит он почти шепотом, глядя прямо мне в глаза. — Грязь из-под ногтей вычистить сложно.

— Саш! — нервно окликает меня Дима с улицы. — Идем, я дозвонился.

Я разворачиваюсь так резко, что едва не спотыкаюсь. Вылетаю из гаража на ватных ногах.

Уже взявшись за ручку пассажирской дверцы, я не выдерживаю. Оборачиваюсь.

Он все так же стоит посреди бокса. И смотрит мне вслед. Тяжело, не отрываясь.

Я запрыгиваю в салон «Ауди» и захлопываю дверь. Дыхание сбившееся, пульс стучит в висках.

— Вот урод, а, — зло бормочет Дима, выруливая с парковки и давя по газам. — Завтра Лехе выскажу, кого он понабирал. Быдло гаражное.

Я не отвечаю. Смотрю на свое запястье. На бледной коже, там, где бьется пульс, остался четкий черный след от мазута. Я тру его пальцем, но грязь только сильнее въедается в кожу, будто клеймо.

Глава 2. Ястреб

Шум двигателя белой «Ауди» стихает за воротами.

Я лежу под ржавым днищем чужого «Форда» и медленно выдыхаю, гася внутри темную, испепеляющую злость.

Климов Дмитрий. Двадцать два года. Глянцевый кусок дерьма, папины деньги, папины связи. Я насмотрелся на таких.

Они ломаются с хрустом при первой же реальной угрозе. Этот сдулся еще до того, как я сделал к нему шаг. Оставил ее стоять там, даже не попытался закрыть собой.

Выбираюсь из ямы, иду к умывальнику у задней стены гаража. Включаю ледяную воду, беру кусок вонючего хозяйственного мыла. Я тру руки так, словно хочу содрать кожу, но мазут вьелся намертво.

Как и ее взгляд.

Поднимаю голову и смотрю в мутное зеркало.

Она обернулась. Не должна была. Испугалась до дрожи, глаза расширились, как у пойманной птицы, пульс на тонком запястье бился так бешено, что я почувствовал это пальцами.

Я не должен был ее трогать, этого не было в плане. Но когда она протянула свои ухоженные, идеальные пальцы, меня переклинило. Отходя от своих же установок, я захотел оставить на ней грязь. Показать, что ее вылизанный мир ничего не стоит.

Сжимаю мокрые кулаки, отворачиваюсь от зеркала и поднимаюсь по железной лестнице в свою комнату.

Восемь квадратов, раскладушка, стол, окно на кривой тополь. После камеры — почти роскошь. Леха сдал мне эту конуру, потому что ему нужен был кто-то, кто шарит в тачках и не бухает.

Сажусь за стол, включаю тусклую настольную лампу. Рядом с лампой — фотография Дениса. Улыбается, щурится на весеннее солнце. Ему здесь девятнадцать.

Я смотрю на брата, и внутри всё стягивает знакомым, ледяным узлом.

Два долбанных года я гнил в колонии, пока майор Соколов стирал записи с камер и подкидывал алкоголь в кровь моего мертвого брата.

Трое суток.

Ровно столько понадобилось этому ублюдку в погонах, чтобы отмазать пьяных мажоров, сбивших Дениса, и повесить всё на меня за сопротивление ментам.

Чистая, сука, работа.

А потом я вышел, и у меня не осталось ничего, кроме времени и ненависти.

Я притягиваю к себе общую тетрадь. Раскрываю на нужной странице.

Соколова Александра Дмитриевна. Двадцать один год, дочь майора. Идеальная принцесса в золотой клетке, построенной на крови моего брата.

Здесь всё: её расписание, маршруты, привычки. Я разобрал ее жизнь на молекулы и собираюсь сломать ее так же методично, как ее папаша сломал мою семью.

Хочу посмотреть, как Соколов будет выть, когда его идеальная дочь окажется на самом дне.

Но мой взгляд цепляется за последнюю строчку, вписанную три недели назад.

Среда. 16:00. Маршрут не совпадает.

Я со злостью отбрасываю ручку.

Каждую гребаную среду идеальная дочка майора скидывает своего ручного мажора, спускается в метро и едет на конечную серой ветки. В район, где у таких принцесс обычно отжимают айфоны в первой же подворотне. Идет дворами к старым пятиэтажкам, без охраны, без подружек. Выходит оттуда через час с таким лицом, будто пропустила через себя ток.

Какого хера?

Это не вписывается в схему. Это ломает мне образ избалованной пустышки, которую я должен уничтожить без малейшего сожаления. У нее есть тайна. Какая-то своя, теневая игра, о которой не знает ни ее папаша-мент, ни ее глянцевого парень.

И я выпотрошу из нее эту тайну.

Резко захлопываю тетрадь, ложусь на жесткую раскладушку, закидываю руки за голову. В гаражах тихо.

Завтра мой первый день в ее университете. ЧОП, который там работает, берет освобожденных по УДО за копейки, если знать, кому занести. А у Лехи я просто перекантовываюсь.

А там я буду стоять на проходной, буду видеть ее каждый день. Буду загонять в угол, пока она не сломается.

Закрываю глаза, пытаюсь прокрутить в голове план, но вместо этого перед внутренним взором вспыхивает ее лицо. Испуг и то, как она резко втянула воздух сквозь зубы, когда я коснулся ее запястья.

Блядь.

Я сжимаю кулаки так, что ногти до боли впиваются в ладони. Никаких эмоций. Она — просто мишень. Мой личный, выверенный проект по уничтожению майора Соколова.

И завтра я сделаю свой первый ход.

Глава 3. Саша

Я тру запястье левой руки. Мазут я оттерла еще вчера жесткой мочалкой, до красных царапин. Но кожа там все равно горит. Фантомное чувство чужих, жестких пальцев.

Среда.

Восемь сорок семь утра.

Я захожу в холл универа, на ходу доставая пропуск. Привычно бросаю взгляд на пост охраны, ожидая увидеть дядю Гену — нашего вечного пенсионера, который обычно дремлет над кроссвордом.

Но на стуле никого нет.

Человек в черной униформе без бейджа стоит у самых турникетов, широко расставив ноги и заложив руки за спину.

Мой шаг сбивается, пластиковый пропуск едва не выскальзывает из пальцев.

Это он. Тот парень из гаражей.

Черная форма сидит на нем так, словно это не одежда охранника, а тактическая экипировка. Он сканирует толпу студентов тяжелым, неподвижным взглядом, от которого в холле становится душно.

Я заставляю себя идти вперед. Турникет справа — ближе всего к нему.

Сделай вид, что не узнала, — говорю я сама себе.

Я прикладываю карточку, писк аппарата бьет по натянутым нервам. Прохожу мимо, в полуметре от него. Ноздрями ощущаю запах растворимого кофе и холодного металла.

Он не поворачивает головы, ни единым мускулом не выдает, что мы виделись. Но когда я делаю шаг за турникет, я физически ощущаю, как его взгляд мажет по моей спине. Тяжелый. Темный.

— Видела нового? — Катя, моя однокурсница, догоняет меня уже на лестнице и вцепляется в локоть. Ее глаза горят нездоровым блеском. — Это вообще законно?

— Что именно? — я стараюсь, чтобы голос звучал ровно.

— Ну, он. Стоит там, как маньяк перед зачисткой. Красивый, зараза. Девчонки с потока уже делают ставки, из какой он колонии откинулся.

— Охранник — это просто работа, Кать. Мало ли кто...

— Саш, — она закатывает глаза. — Ты его видела? От него же фонит так, что прикуривать можно. Дима твой, конечно, красавчик, но этот...

— Мне пора в библиотеку, — резко обрываю я, ускоряя шаг.

Я не хочу говорить о Диме, и тем более не хочу говорить о человеке с прозрачно-зелеными глазами, из-за которого я сегодня спала от силы три часа.

Три пары, нудный семинар, полтора часа над курсовой. В четыре я выхожу через боковой выход. Мне все равно в метро, и так я точно не пройду мимо центральной проходной. Я не трусиха, просто минимизирую риски.

В продуктовом у станции на окраине я беру хлеб, молоко, гречку и курицу. У полки с соками зависаю на пару секунд.

Персиковый или яблочный? В прошлый раз Илья пил персиковый, но потом с убийственно серьезным лицом заявил, что яблочный лучше. Беру яблочный.

Марина открывает дверь старой, обшарпанной хрущевки почти сразу, словно стояла в коридоре.

— Саш, — тихо говорит она.

В ее голосе, в опущенных плечах, в тусклых глазах — беспросветная, глухая усталость. Такая, от которой не помогает никакой сон.

— Привет. Я ненадолго, — я прохожу на тесную кухню, ставлю пакеты на стол.

Слышится быстрый топот босых ног, и на пороге тормозит Илья. Ему восемь. Он смотрит на меня исподлобья, точно так же, как смотрел его отец.

— Принесла? — спрашивает он.

— Принесла.

— Яблочный?

— Яблочный.

Он кивает по-взрослому, сурово даже, и уже собирается уйти в комнату, но вдруг оборачивается.

— А ты знаешь, что в яблочных семечках есть яд?

Я замираю с пакетом молока в руках.

— Знаю, Илюш. Но в соке их нет.

— Это ты так говоришь, — мрачно сообщает он и исчезает в коридоре.

Я отворачиваюсь к старому, дребезжащему холодильнику. Расставляю продукты, просто чтобы занять руки. Марина стоит у двери и смотрит на меня с такой немой благодарностью, что мне хочется провалиться сквозь гнилой линолеум.

Марина. Наша бывшая соседка. Женщина, которая пекла мне блины по выходным и заплетала косички, когда мама ушла из семьи. Она заменила мне мать.

А три года назад мой отец, майор Соколов, надел наручники на ее мужа.

Отец сказал, что так велит закон. Что муж Марины оказался вором и заслужил свой срок. Я верила и верю отцу — он офицер, он не мог поступить иначе. Но когда папа строго-настрого запретил мне общаться с «семьей зека», чтобы не пачкать нашу репутацию, я впервые ослушалась его.

Я не могла бросить Марину и Илью в этой нищете. Отец думает, что по средам я хожу на пилатес. А я каждую среду покупаю себе индульгенцию яблочным соком, пытаюсь склеить то, что разрушил закон.

— Чай будешь? — тихо спрашивает Марина.

— Нет. Мне пора бежать, курсовая горит, — вру я, быстро застегивая куртку.

Я спускаюсь по ободранной лестнице, и чувство вины давит на грудь бетонной плитой.

На выходе из двора, у самого подземного перехода, я вдруг резко останавливаюсь и оглядываюсь.

Серые панельки, мокрый асфальт, редкие прохожие под зонтами.

Ничего особенного.

Но затылок стягивает холодком, физическое, липкое ощущение чужого, тяжелого взгляда между лопаток. Такого же, как сегодня утром на проходной.

Я передергиваю плечами и почти бегом спускаюсь в метро.

Паранойя. Просто паранойя.

Глава 4. Ястреб

— Не спи, новенький. Вон тот гад в синем бомбере вчера в подсобку протащил первокурсницу.

Дядя Гена, старший смены, хлопает меня по плечу и кивает на мониторы. Я молча перевожу взгляд на третий экран.

Девять сорок утра.

Первая пара в самом разгаре. Холлы пусты, если не считать пары опоздавших и технички с ведром.

В этом пафосном заведении все так вылизано, что блевать хочется от количества глянца и родительских денег на квадратный метр.

Охранником меня взяли за два дня. Справка о несудимости — чистая.

Майор Соколов в свое время так зачистил концы, чтобы отмазать мажоров, что формально я отсидел в СИЗО, а потом дело «рассыпалось» за недостатком улик, юридически я чист. Психологически — я мина с выдернутой чекой.

— Принял, — коротко отвечаю я старшему, не отрывая взгляда от экранов.

Я знаю каждый угол этого здания. Я изучил план эвакуации, слепые зоны камер, график перекуров преподав.

Но меня интересует только одна точка на карте.

Аудитория 314.

Бизнес-факультет.

Седьмая сейчас там.

Она прошла мимо меня утром, сделала вид, что не узнала.

Глаза в пол, шаг ускорила.

Но когда она приложила пропуск к турникету, я увидел, как дрогнули ее пальцы.

Ящерица почуяла змею.

— Ладно, сиди тут, я пойду территорию обойду, — дядя Гена зевает и выходит из дежурки, оставляя меня одного.

Я откидываюсь на спинку скрипучего кресла и переключаю камеры на третий этаж.

Дверь 314-й открывается.

Звонок.

Толпа студентов вываливается в коридор. Шум, смех, дорогие шмотки, брендовые рюкзаки. Я сканирую черно-белую картинку, отсекая лишнее, пока не нахожу ее.

Она выходит одной из последних. В простой черной водолазке и светлых джинсах. Никаких логотипов во всю грудь, как у ее подружек, волосы собраны в небрежный узел.

Я смотрю, как она останавливается у подоконника и достает конспекты.

Ждет своего ручного Диму?

Камера висит прямо над ней. Я вижу ее лицо, сдвинутые брови.

К ней подходит пацан, щуплый, в очках, в помятой рубашке. Явно не из их глянцевої тусовки.

Бюджетник или зубрила, который пишет за них курсачи, он что-то робко ей говорит, переминаясь с ноги на ногу.

Я жду, что сейчас идеальная дочка майора скривится, пошлет его. Или хотя бы включит ту снисходительную жалость, от которой хочется разбить лицо.

Но Соколова не делает ни того, ни другого.

Она просто сдвигает свои тетради, освобождая место на подоконнике. Достает ручку и начинает что-то терпеливо чертить на его листке.

Пацан кивает, поправляет очки, она ему что-то объясняет.

Две минуты. Три.

В коридоре никого из ее тусовки, никто не видит этой сцены. Ей не перед кем зарабатывать очки.

«Не вписывается. Проверить».

Моя собственная мысль, записанная в тетради, бьет по нервам.

Я сжимаю подлокотники кресла, это же просто маска. Она такая же гнилая внутри, как и ее отец.

Соколов тоже на людях герой и правильный мент, а по ночам берет бабки за кровь на асфальте.

Телефон в кармане вибрирует, я отрываю взгляд от монитора, достаю трубку.

Тим.

— Да, — отвечаю коротко.

— Ты там еще не убил никого, Рэмбо? — голос друга, как всегда, звучит слишком бодро.

Тим старше меня на пару лет, работает в службе безопасности одного местного авторитета. Единственный, кто знает, почему я вообще полез в этот универ.

— Пока держусь.

— Я пробил то, что ты просил. Климов Дмитрий, у семьи сеть автосалонов. Сам пацан — пустышка. Ездит на тачке отца, понтов больше, чем веса. Но вот что интересно...

Тим делает паузу, я слышу щелчок зажигалки.

— Вчера Климов кому-то звонил. Плакался, что его в гаражах обидели, просил «надавить на владельца». Леха тебя слил, чтобы не терять жирного клиента.

— Я знаю, — ровно говорю я. — Я сам спровоцировал Леху, чтобы он меня турнул. Мне нужен был повод исчезнуть из гаражей и появиться здесь.

Тим молчит секунду.

— Кир, ты играешь с огнем. Майор Соколов — это не уличная шпана. Если он почует, что ты трешься возле его дочки...

— Пусть почует.

— Не перегни, — голос Тима становится жестким. — Ты только вышел на свет, тебе жить надо. Я понимаю, Денис...но ты его не вернешь. А эта девочка... она может стать для тебя капканом.

Я смотрю на монитор, Седьмая отдает пацану исписанный листок. Тот улыбается, кивает и уходит, она остается одна.

— Она не капкан, Тим, — мой голос звучит глуше, чем обычно. — Она мишень.

— Смотри, не перепутай. Вечером пересечемся?

— Да.

Я сбрасываю вызов.

В коридоре на экране появляется Климов. Идет вальяжно, засунув руки в карманы, подходит к ней, что-то говорит.

Я жду, что она повиснеет у него на шее. Жду, чтобы убедиться — вот она, обычная тупая кукла.

Но она не смотрит на него.

Она собирает конспекты, ее лицо остается закрытым, плечи напряжены. За те несколько минут, что они идут к выходу, она ни разу не берет его за руку.

В груди вспыхивает горячее, темное раздражение.

Я должен ненавидеть ее, я хочу ее ненавидеть. Но то, что она не вписывается в мой проклятый шаблон, бесит меня до зубовного скрежета.

Я выхожу из дежурки.

Мне нужен воздух, перекур. Иначе я, мать её, прямо сейчас поднимусь на этот гребанный третий этаж и лично проверю, какая она настоящая, когда боится.

Глава 5. Саша

— Соколова, задержись.

Голос препода по макроэкономике настигает меня уже у самой двери. Я мысленно стону, но киваю и возвращаюсь к первой парте.

Аудитория пустеет за минуту, Катя машет мне рукой из коридора, беззвучно одними губами произнося «Жду внизу», и исчезает.

— У тебя в третьей главе провисает аналитика, — препод, сухонький мужик в вечно помятом пиджаке, стучит пальцем по моему распечатанному черновику. — Ты взяла цифры за прошлый год, а мне нужна динамика за пять лет. Переделай к пятнице.

— Но в методичке...

— К пятнице, Соколова. Иначе допуск к защите не подпишу.

Я молча забираю листы, спорить бесполезно. Такие вот принципиальные старички — это единственное, что до сих пор держит меня в реальности. И, честно говоря, я им за это благодарна.

Сгребаю черновик в рюкзак, закидываю его на плечо и выхожу из аудитории.

Четвертый этаж почти пуст, пары закончились, уборщицы еще не поднялись. Только гул ламп дневного света и мерный стук моих собственных кроссовок.

Я дохожу до поворота к лестнице и замираю.

Он стоит там.

Опирается плечом на стену у окна, скрестив руки на груди.

Черная форма без бейджа сидит на нем так плотно, словно он в ней родился. Лицо в тени, но я кожей чувствую, что он смотрит прямо на меня.

Воздух в коридоре мгновенно становится тяжелым, словно перед грозой.

«Иди мимо. Просто иди мимо».

Я заставляю себя сделать шаг, потом еще один.

Спина прямая, подбородок чуть приподнят, дочь майора не шарахается от охранников.

Я прохожу мимо него.

Запах холодного озона и чего-то неуловимо мужского — не сладкого Диминого парфюма, а просто запаха чистой кожи и адреналина, что ли.

Я уже почти у лестницы, когда раздается его голос. Низкий, спокойный, отрезающий пути к отступлению.

— Быстро бегаешь.

Я останавливаюсь, пальцы до боли сжимают лямку рюкзака.

Поворачиваюсь к нему.

— Вы что-то хотели? — мой голос звучит холоднее, чем я ожидала.

Прямо горжусь собой.

Этот парень отрывается от стены, делает один шаг ко мне.

Всего один, но мне кажется, что он забрал весь кислород в этом радиусе. Светлые глаза безразлично скользят по моему лицу.

— Далеко собралась?

— Домой, — я вздергиваю подбородок. — Мои передвижения входят в ваши должностные обязанности?

Он усмехается, коротко, одними уголками губ. В них абсолютно нет веселья, только жесткий, царапающий цинизм.

— Твой парень сегодня за тобой не приехал.

Я вздрагиваю, Дима действительно не приехал, написал полчаса назад, что у него «срочные дела с отцом в автосалоне».

— Это не ваше дело, — чеканю я. — И я бы попросила вас соблюдать дистанцию.

— А то что? — он делает еще полшага ко мне. — Пожалуйтесь папе?

Мое сердце пропускает удар, откуда охранник-стажер, устроившийся два дня назад знает про отца?

— Я не жалуюсь, — тихо, но твердо говорю я, глядя прямо в его прозрачно-зеленые глаза. — Я просто вызываю полицию, если меня преследуют. А вы преследуете меня, начиная с гаражей.

Он молчит, смотрит так, словно я только что разгадала кроссворд для пятилеток, и это его не впечатлило.

— Ты слишком много о себе думаешь, Седьмая.

— Седьмая? — я хмурюсь, сбита с толку этим странным словом.

— Номер твоего шкафчика в раздевалке, номер твоего парковочного места... Ты вся состоишь из бирок и номеров, которые на тебя навесили другие.

Он говорит это ровным, почти ленивым тоном, но каждое слово бьет точно в цель.

В ту самую пустоту, которую я прячу даже от самой себя.

— Пропустите меня, — голос дрожит, и я ненавижу себя за это.

Я делаю шаг в сторону, чтобы обойти его, но он плавно смещается, перекрывая мне путь к лестнице.

Его масса, его габариты, я ощущаю себя так, словно столкнулась с бетонной стеной.

— Боишься? — почти ласково спрашивает он.

— Нет.

Это ложь.

У меня потеют ладони, а в висках бьется бешеная паника.

Но я заставляю себя не отводить взгляд. Я не опущу глаза, не перед ним.

Мы стоим непозволительно близко.

Я вижу бледный шрам над его левой бровью, вижу, как бьется жилка на его шее.

Я чувствую жар, исходящий от его тела, и это пугает меня сильнее, чем его угрозы.

Мое тело реагирует на него неправильно.

— Врешь, — он чуть склоняет голову. — Но мне нравится, как ты врешь. Без истерик.

Он поднимает руку, я инстинктивно вжимаюсь в стену, ожидая удара или грубого захвата.

Но его пальцы, те самые, что еще вчера были в мазуте, а сегодня чистые, но всё такие же жесткие, лишь едва касаются воротника моей водолазки.

Он поправляет ткань медленно. Его пальцы скользят по моей коже миллиметр за миллиметром.

— Береги себя, принцесса, — он наклоняется ко мне и его шепот обжигает мне шею. — На конечной серой ветки бывает очень темно.

Меня словно бьют под дых.

Среда... Серая ветка...

Семья Марины и Ильи, откуда он знает?!

Я открываю рот, чтобы спросить, чтобы закричать, но он уже отстраняется.

Убирает руку, делает шаг назад, освобождая мне проход.

Лицо снова становится каменным, непроницаемым, как у обычного охранника на посту.

— Свободна, — бросает он сухо.

Я не помню, как спускаюсь по лестнице, я не чувствую ступеней под ногами.

В ушах сквозь липкий страх звенит только одна мысль, заглушая все остальное.

Он знает то, что не знает никто...

Глава 6. Ястреб

Студенческий кафетерий этого элитного гадюшника похож на декорацию к хреновому сериалу.

Светлый паркет, панорамные окна, ценники на кофе такие, словно его варили девственницы на склонах Килиманджаро.

Здесь воняет дорогим парфюмом, деньгами родителей и скукой.

Я стою у входа, прислонившись плечом к косяку, и методично сканирую зал.

Рация на поясе молчит.

Мне платят за то, чтобы эти комнатные растения не поубивали друг друга, но пока они способны только громко ржать и залипать в телефоны.

Мой взгляд цепляется за столик у окна.

Седьмая.

Она сидит напротив своего ручного пуделя Климова. На ней светлый свитер, волосы собраны на затылке, идеальная осанка, идеальный профиль, идеальная дочка своего папаши.

Она улыбается чему-то, что вешает ее парень, и со стороны кажется, будто у нее нет ни единой проблемы в жизни.

Меня начинает крыть.

Вчера в коридоре она дрожала, я чувствовал, как колотится пульс на ее шее под моими пальцами.

Она была настоящей, напуганной, злой, живой. А сейчас она снова нацепила свою фарфоровую маску и играет в хорошую девочку.

Я отрываюсь от косяка и медленно иду между столами.

Студенты инстинктивно умолкают и пододвигают стулья, когда я прохожу мимо.

Никто не смотрит мне в глаза, охрана для них пустое место, но от моей формы почему-то фонит так, что они предпочитают не отвечивать.

Я подхожу к их столику.

Этот таракан с зализанными волосами что-то увлеченно втирает, размахивая руками. Соколова сидит, обхватив длинными пальцами высокий бумажный стакан с кофе.

Я останавливаюсь прямо за ее спиной.

Ее бойфренд осекается, он поднимает на меня глаза, и в них мгновенно вспыхивает узнавание.

Гаражи он явно не забыл, его кадык дергается.

Соколова чувствует, она медленно поворачивает голову и замирает.

Вблизи она пахнет чем-то свежим, чуть сладковатым. Не тяжелым люксом, как остальные здесь, а чем-то чистым. И этот запах выбешивает меня еще сильнее.

В ее глазах вспыхивает тревога. Она напрягается, ожидая, что я что-то скажу или выкину.

Но я молчу.

Я просто опускаю руку, накрываю своей ладонью ее пальцы, сжимающие стакан, и плавно, но непрерываемо забираю его у нее из рук.

Ее кожа горячая, моя — ледяная, долбаный контраст бьет по нервам.

Соколова открывает рот, но не издает ни звука. Климов сидит напротив, вжавшись в спинку стула, и тоже молчит, как гребаная статуя.

Я подношу ее стакан к губам, не разрывая с ней зрительного контакта.

Смотрю прямо в эти расширенные, злые, карие глаза.

Кофе горький, без сахара, вкусный.

Я делаю медленный глоток, там, где только что были ее губы.

Соколова краснеет, вижу, как краска заливает ее шею, как напрягаются челюсти.

В ее взгляде сейчас столько ярости, что можно спалить этот кафетерий дотла.

Она хочет сорваться, хочет крикнуть, дать мне по лицу, но не может.

Потому что напротив сидит Дима, потому что она — идеальная дочка, которой нельзя устраивать сцены с охраной из-за стакана кофе.

Я медленно опускаю стакан обратно на стол, точно в тот же картонный круг от доньшка.

— Крепкий, — говорю я тихо, глядя только на нее. — Полезно для сердца.

Я не смотрю на ее пуделя, я даже не обозначаю его присутствия.

Разворачиваюсь и медленно иду к выходу из кафетерия.

Спиной чувствую, как ее взгляд прожигает дыру между моих лопаток.

Рация на поясе шипит, выдавая какой-то белый шум, но я его не слышу, я слышу только, как колотится собственная кровь в висках.

Она бесится, она в ярости. И я знаю, что она этого не спустит, её фарфоровая маска дала трещину.

Я толкаю стеклянную дверь кафетерия и выхожу в коридор, усмешка сама ползет по лицу.

Жду тебя на парковке, принцесса. Посмотрим, насколько у тебя хватит смелости без твоего цепного пуделя.

Глава 7. Саша

Я сжимаю руль так, что белеют костяшки пальцев, хотя двигатель моей машины даже не заведен.

Дождь лупит по лобовому стеклу, размывая контуры университетской парковки в серую, грязную кашу. Ветер качает ветки редких деревьев.

Меня трясет и дело не в холоде, пробравшемся в салон, пока я бежала от крыльца до машины.

Дело в унижении.

Перед глазами снова и снова всплывает сцена в кафетерии. Его грубая, мозолистая рука поверх моих пальцев, темный, немигающий взгляд.

И то, как он пил мой кофе.

Медленно. Намеренно. На глазах у всех.

Но хуже всего был Дима.

Мой парень.

Он сидел напротив, вжавшись в стул, и смотрел в стол, пока какой-то охранник вытирал об меня ноги. А когда этот отморозок ушел, Дима нервно хохотнул и выдал:

«Сумасшедший какой-то, да? Ладно, погнали на лекцию, а то опоздаем».

Я не пошла на лекцию.

Я сбежала на парковку, заперлась в машине и теперь не могу заставить себя повернуть ключ в замке зажигания, потому что руки ходят ходуном от злости.

Раздается стук в боковое стекло.

Я вздрагиваю.

Снаружи, прямо под ледяным дождем, стоит он.

Вода стекает по его коротким темным волосам, по широким плечам в черной куртке охраны. Он не щурится от капель, он просто смотрит на меня сквозь мокрое стекло и стучит костяшкой пальца еще раз.

Я должна уехать.

Вдавить газ в пол и свалить отсюда.

Но ярость, копившаяся во мне с самого утра, внезапно прорывает плотину страха. Я сбрасываю блокировку и толкаю дверь.

— Что тебе нужно?! — кричу я, перекрывая шум дождя.

Выскакиваю из машины, плевать, что одежда тут же намокает.

Он не отступает ни на шаг. Наоборот, нависает надо мной.

— Парковка только для персонала, Соколова, — ровно произносит он. Его голос низкий, почти вибрирующий. — Студенческая зона на другой стороне.

— Ты издеваешься?! — я делаю шаг к нему, забыв про инстинкт самосохранения. Вода заливает лицо. — Ты думаешь, я идиотка? Тв специально прицепился ко мне! Вчера в коридоре, сегодня в кафетерии... Чего ты добиваешься?!

Его лицо остается непроницаемым.

Никакой эмоции. Только этот тяжелый, препарирующий взгляд зеленых глаз.

— Я слежу за порядком.

— Ты больной ублюдок! — выплевываю я, сжимая кулаки. — Если еще раз... если ты хоть раз еще ко мне подойдешь, я пойду к ректору! Тебя вышвырнут отсюда быстрее, чем ты успеешь моргнуть!

Он чуть склоняет голову набок.

Вода стекает по его скуле, по тонкому шраму на брови.

— Иди, — тихо говорит он.

— Что? — я осекаюсь.

— Иди к ректору, — он делает шаг вперед, вынуждая меня вжаться спиной в мокрую дверь моей машины. — Или сразу к папочке-майору. Расскажешь им, как плохой охранник выпил твой кофе. Заодно объяснишь, почему ты так нервничаешь и куда едешь по средам.

Я замираю.

Холод пробирает до костей, и это уже точно не из-за дождя.

— Ты шантажируешь меня? — мой голос дрожит, хоть я изо всех сил пытаюсь это скрыть. — Из-за чего? Тебе нужны деньги?

Впервые на его лице проступает эмоция.

Это не улыбка, а хищный, болезненный оскал.

Он поднимает руку.

Я инстинктивно вжимаю голову в плечи, но он не бьет.

Он медленно, почти нежно проводит большим пальцем по моей мокрой щеке, стирая дождевую каплю.

От этого прикосновения меня прошибает током до самых пят.

Кожа горит там, где он коснулся.

— Деньги? — хрипло переспрашивает он, склоняясь к самому моему уху.

От него пахнет дождем и холодом.

— Ты правда думаешь, что все в этом мире продается и покупается, как твой ручной мажор?

Он отстраняется, смотрит на мои губы, потом мне в глаза.

— Оставь деньги себе, Соколова. Они тебе скоро понадобятся.

Он разворачивается и уходит прочь, не оглядываясь.

Я сползаю по мокрой дверце машины вниз, не в силах держать себя на ногах.

Моя щека горит огнем.

И я поняла одну страшную вещь.

Я его боюсь.

Но когда он коснулся моего лица, я не хотела, чтобы он убирал руку.

Глава 8. Ястреб

Закрытый прием Попечительского совета. Ярмарка тщеславия, где ректорат залил панорамный атриум приглушенным светом, а богатые ублюдки жертвуют копейки родному факультету, чтобы потом легально списать миллионы с налогов.

Начальник охраны выгнал в оцепление всю вечернюю смену. Моя задача закрывать периметр, стоять в тени колонны у входа в VIP-зону и следить, чтобы пьяные мажоры не лезли к инвесторам с гениальными стартапами.

В огромном зале играет живой джаз, официанты скользят между столиками с подносами шампанского.

Рация тихо шипит на поясе.

И тут появляется она.

Я вижу ее еще до того, как она заканчивает спускаться по центральной лестнице. Каким-то гребаным шестым чувством ловлю ее движение.

Соколова.

Она идет рядом со своим ручным Димой как идеальный «плюс один».

На ней платье, темно-изумрудный шелк, который тяжело струится по фигуре, облекая бедра. Тонкие бретельки. И абсолютно, блядь, голая спина.

Возмутительно глубокий вырез опускается почти до самой поясицы, обнажая ровную, гладкую кожу и хрупкую линию позвоночника.

Стискаю челюсти так, что скрипят зубы.

Какого хрена она вырядилась так, словно выставила себя на торги?

Я смотрю, как она проходит через стеклянный зал. Как сальные, липкие взгляды других студентов и спонсоров постарше прилипают к ее голой коже. Климов идет рядом, надувшись от гордости, как породистый индюк. Ему нравится, что все глотают слюни на его девушку, ему нравится этот статус.

Мне хочется на глазах у всех подойти и сломать ему челюсть. Просто за то, что он позволяет им так смотреть.

Сжимаю кулаки, загоняя ногти в ладони.

Держи себя в руках.

Она — цель. Она — инструмент.

Она дочь ублюдка, который посадил тебя ни за что и стер из сводок кровь Дениса. Тебе должно быть плевать на нее.

Я повторяю это про себя как мантру, пока не чувствую солоноватый вкус на языке от прокушенной изнутри губы.

Они останавливаются недалеко от моего поста. Ее трусливый индюк что-то говорит и отходит к фуршетной линии за напитками, оставляя ее одну.

Она скучает, я вижу это по тому, как она нервно крутит в пальцах тонкую ножку пустого бокала.

Она будто не вписывается в этот праздник фальшивых улыбок.

К ней тут же подваливает какой-то наглый старшекурсник, кажется, сын одного из инвесторов. Нависает, что-то втирает, растягивая губы в самоуверенной ухмылке.

Она вежливо, но холодно отвечает. Парень не унимается, внезапно он сокращает дистанцию и по-хозяйски кладет ладонь ей на голую спину.

Мой пульс взрывается в ушах.

Я делаю шаг из тени, я даже не думаю.

Тело срабатывает на рефлекс, выработанных не здесь, а там, где за чужое прикосновение пробивали головы.

Но я останавливаюсь.

Потому что Седьмая не терпит.

Она резко сбрасывает руку мажора, ее лицо каменеет. Она говорит ему что-то тихое, но настолько хлесткое, что придурок меняется в лице, вскидывает ладони в примирительном жесте и послушно отваливает прочь.

Моя девочка. Зубастая.

Мысль бьет меня как разряд тока.

Моя.

С каких пор она стала моей?

В этот момент, будто почувствовав мой взгляд, она поворачивает голову и смотрит прямо в мою сторону.

В полумраке атриума, сквозь толпу, мимо десятков людей. Она безошибочно находит меня в тени колонны.

Даже отсюда я вижу, как сбивается ее дыхание. Как поднимается и опускается изумрудный шелк на ее груди.

Мы смотрим друг на друга. Расстояние между нами — каких-то десять метров, но мне кажется, что я чувствую жар ее кожи на своих пальцах.

Климов возвращается с бокалами, джаз-банд начинает играть что-то медленное. Он оставляет шампанское на стол, что-то говорит Соколовой и протягивает ей руку.

Она отрывает от меня взгляд, вздрагивает, но послушно уходит с ним в центр зала.

Я замираю, превращаясь в камень.

Она позволяет ему притянуть себя вплотную. И его ладонь уверенно ложится на ее обнаженную поясницу.

Именно, сука, туда, куда я только что смотрел.

Мои мышцы сводит от концентрированной, удушающей злости.

Они медленно двигаются в танце, но я вижу, как напряжена ее спина. Как она деревенеет в его руках.

И когда они поворачиваются, ее глаза снова против воли находят меня у колонны.

Она смотрит так, словно ее пытаются на моих глазах, и я знаю, что заставляю ее это чувствовать.

Когда музыка заканчивается, я резко разворачиваюсь и ухожу во мрак бокового коридора, чтобы не сорваться и не выпотрошить ее парня у всех на виду.

План летит к чертям собачьим. Я должен был хладнокровно сломать репутацию этой девочки, использовать ее страхи и размазать ее отца.

Но сейчас я понимаю только одно и это открытие мне не нравится.

Глава 9. Саша

Я пью шампанское слишком быстро. Пузырьки обжигают горло, но не помогают избавиться от ощущения, что на моей голой спине выжгли клеймо.

Тот парень здесь.

Я чувствую его взгляд кожей.

Тяжелый, темный, немигающий.

Он стоит в тени колонны у входа в VIP-зону, сливаясь с полумраком панорамного атриума.

Деканат вывел сегодня всю охрану для контроля, но я физически ощущаю только его.

Я чувствую, как он наблюдает за каждым моим движением.

— Саш, ты меня вообще слушаешь? — голос Димы пробивается сквозь шум живого джаз-банда, как радиопомехи.

— Да, — вру я, заставляя себя перевести взгляд на своего парня. — Ты говорил про инвестиции отца Артема.

Дима самодовольно кивает, поправляя галстук-бабочку.

— Именно. Отец говорит, если мы пожмем руки по новому кампусу сегодня, то летом летим на Мальдивы. Как тебе?

— Здорово, — выдавливаю я дежурную улыбку, но мои пальцы так сильно сжимают тонкую ножку бокала, что я боюсь ее сломать.

— Эй, подруга, — ко мне подлетает Катя.

В красном платье она похожа на пожарную тревогу. В одной руке у нее бокал, в другой — телефон.

— Димка, украду ее на минуту? Девичьи секреты.

Дима снисходительно пожимает плечами и отходит к фуршетной линии, где собрались отцы-спонсоры.

Катя тут же хватается меня под локоть и тащит к высокому коктейльному столику подальше от центра зала.

— Ты его видела? — шепчет она, блестя глазами.

— Кого? — я напрягаюсь, готовясь к тому, что она заметила, как я пять минут назад жестко отшила сына ректора.

— Охранника нашего нового. Вон там, у лестницы.

Мое сердце пропускает удар, я не поворачиваю голову, но знаю точно, где он стоит.

— И что? — стараюсь, чтобы голос звучал равнодушно.

— Что значит «и что»? — Катя фыркает. — Саш, он же просто ходячий тестостерон. Ты видела, как на нем форма сидит? А взгляд какой... Как у серийного маньяка, который точно знает, что с тобой сделает. Половина девчонок с нашего потока уже пьют наперегонки, чтобы решиться подойти.

— Мне как-то плевать на охрану, Катя. У меня есть Дима.

Подруга выразительно закатывает глаза.

— Дима — это стабильно и скучно. А этот... — она понижает голос. — Этот опасный, я с ним сегодня днем на парковке пересеклась. Он так на меня посмотрел, что я забыла, в какую машину сажусь. Правда, он по мне только мазнул взглядом, а вот на тебя...

Я замираю.

— Что — на меня?

— Он с тебя глаз не сводит, Соколова. С того момента, как ты появилась, я минут пятнадцать за ним наблюдала. Он ни на кого больше в этом зале не смотрит. Только на твою голую спину.

Мои щеки вспыхивают, я делаю большой глоток шампанского, надеясь, что прохладная жидкость потушит этот неуместный пожар внутри.

— Тебе кажется, он просто следит за порядком.

— Ну да, ну да, — хмыкает Катя. — Порядок у нас теперь сосредоточен исключительно в районе твоей поясницы. Ой, я побегу, а то твой инвестор идет.

Дима возвращается, сияя идеальной улыбкой. Джаз-банд начинает играть что-то медленное, тягучее, спонсоры и преподаватели отходят к бару, освобождая центр атриума.

— Потанцуем? — Дима протягивает мне руку.

Я должна отказаться, должна сказать, что устала, что натерла ногу, и уехать домой. Но вместо этого я кладу ладонь в его руку и позволяю увести себя в центр зала.

Я хочу доказать себе, что Дима мой выбор, я же контролирую свою жизнь. И какой-то отморозок из гаражей, который пьет мой кофе и доводит меня до дрожи на парковке, не имеет надо мной никакой власти.

Дима обнимает меня за талию, прижимая к себе, но когда мы медленно поворачиваемся в танце, мой взгляд против воли снова находит тень у колонны.

Он не смотрит на толпу. Он смотрит на то место, где теплая ладонь Димы лежит на моей голой спине.

Я вижу, как сжимаются челюсти незнакомца, даже как каменеют плечи под черной тканью униформы. От него исходит такая темная, концентрированная ярость, что мне становится тяжело дышать.

Дима что-то шепчет мне на ухо, дежурно целует в висок.

А я смотрю в эти пронзительные зеленые глаза через весь зал. Он не моргает, он будто клеймит своим взглядом, обещая расправу.

Когда музыка заканчивается, этот охранник из гаражей разворачивается и молча уходит во мрак коридора, растворяясь в тенях.

А я остаюсь в объятиях Димы, чувствуя себя так, словно меня только что раздели при всех.

Глава 10. Саша

Темно-изумрудное шелковое платье брошено на спинку кресла. Оно похоже на сброшенную змеиную кожу.

Я сижу на краю разобранной постели, обхватив плечи руками, и смотрю на эту ткань уже минут десять.

Даже не знаю сколько прошло часов с того момента, как я вернулась с приема.

Я приняла горячий душ, попыталась сесть за курсовую, но мой мозг отказывается работать. Внутри всё еще гудит тяжелый бас джаз-банда, а на пояснице горит фантомный след.

И это не след от руки Димы.

Я закрываю глаза и снова оказываюсь там, в полумраке атриума. Я снова вижу его в тени колонны.

Охранник. Отморозок из гаражей.

Я даже не знаю его имени, но его пронзительные зеленые глаза преследуют меня, въедаются под кожу, как вирус.

Какого черта со мной происходит?

Я должна бояться его, он грубый, агрессивный, он вторгся в мое личное пространство и угрожал мне на парковке.

Но когда вчера Дима прижимал меня к себе в танце, единственное, что я чувствовала — это жгучий взгляд, который будто оставлял на моей коже след.

Как тогда его пальцы, испачканные мазутом.

Я с силой тру лицо ладонями, пугаясь собственных мыслей.

В дверь коротко, требовательно стучат.

Два удара — пауза — один. Фирменный стук.

— Да, пап.

Дверь открывается, на пороге появляется мой отец, майор Соколов.

Как всегда, безупречный, на нем идеально выглаженная светло-голубая рубашка, темные брюки, ни одной лишней складки. От него пахнет свежим парфюмом, крепким кофе и абсолютной уверенностью в том, что этот мир принадлежит ему.

— Не спишь, принцесса? — он обводит комнату цепким, профессиональным взглядом.

Замечает разбросанные конспекты и останавливается на шелковом платье.

— Как прошел прием?

— Хорошо, — ровным тоном отвечаю я. — Скучно, Дима обсуждал с инвесторами новый кампус.

Отец проходит в комнату и садится в кресло напротив, закинув ногу на ногу.

— Дима молодец, хваткий парень. Его отец умеет делать деньги, а Дима умеет их сохранять. Это надежный вариант.

Меня царапает слово «вариант», но я молчу. Папа всегда так говорит, в его системе координат люди делятся на ресурсы, угрозы и тех, кого нужно защищать.

Я конечно в третьей категории.

— Вы сегодня идете к Артему на вечеринку? — спрашивает он, переводя взгляд на меня.

— Да. Дима заедет за мной в восемь.

— Хорошо. — Отец кивает, но его глаза сужаются.

Он всегда считывает меня на раз-два.

— Ты какая-то бледная сегодня, Саш. Уверена, что хочешь ехать в эту шумную толпу?

— Всё нормально, пап, просто не выспалась.

Отец подается вперед и накрывает мою ладонь своей. Его руки чистые, с аккуратно подстриженными ногтями.

— Ты же знаешь, что можешь сказать мне всё, что угодно? — его голос становится мягким, обволакивающим. — Мир за этими дверьми грязный, Саш, люди, как правило, завистливые, жестокие и злые. Моя работа делать так, чтобы эта грязь тебя никогда не коснулась, чтобы ты жила в безопасности.

Я смотрю в его светлые глаза, и у меня внутри всё сжимается от странного, липкого чувства.

Он говорит о безопасности, а перед глазами всплывает маленькая, обшарпанная кухня тети Марины.

Марина Резник жила с нами на одной лестничной клетке, когда мы ютились в старой двушке на окраине, а папа был простым опером.

Она пекла мне блины, пока отец пропадал на работе. А потом папу повысили, мы переехали в элитный район, купили эту огромную квартиру, и прошлая жизнь отсеклась, как по щелчку.

И вот, три года назад дядю Антона, мужа Марины, посадили.

Я помню, как случайно увидела его дело в открытом портфеле отца. Помню, как не сходились даты в бумажках, которые я, любопытная дурочка, решила прочитать.

Я тогда даже спросила папу, почему так. Он жестко захлопнул портфель и сказал, что взрослые совершают ошибки, за которые нужно платить, и чтобы я никогда не лезла в работу полиции.

Я знаю, что папа просто делал свою работу, что он не мог поступить иначе. Я цепляюсь за эту веру, как за спасательный круг.

Но чувство вины всё равно грызет меня изнутри, как бы я ни пыталась от него избавиться. Поэтому я езжу к Марине каждую среду в тайне от отца.

Вожу им продукты, пряча лицо в шарф, и пытаюсь хоть как-то откупиться от своей совести за то, что мы живем в роскоши, а они в настоящем аду.

— Я знаю, пап, — я растягиваю губы в улыбке, которая стоит мне колоссальных усилий.
— Я в полной безопасности.

Отец удовлетворенно хлопает меня по руке и встает.

— Отдыхай. Если на вечеринке что-то пойдет не так или эти мажоры переберут с алкоголем сразу звони мне, я пришлю машину.

— Хорошо.

Дверь закрывается, отсекая меня, а я выдыхаю, чувствуя, как дрожат руки.

В этой вычищенной до блеска квартире мне не хватает воздуха. Здесь всё правильно, все будто по протоколу.

Мой телефон на тумбочке коротко вибрирует.

Сообщение от Димы: "Заеду в 20:00. Будет вся элита факультета. Люблю тебя".

Я бросаю телефон обратно, не отвечая, открываю дверцу шкафа и достаю черные узкие джинсы и простую куртку.

В груди без причины зарождается темное, нервное предвкушение.

Глава 11. Саша

Загородный дом гудит, как огромная колонка. Басы отдаются вибрацией в подошвах ботинок. В воздухе висит густая смесь из электронных сигарет, алкоголя и чужого пота. Студенческая «элита» отдыхает с размахом и абсолютной уверенностью в собственной безнаказанности.

Я стою у стеклянных дверей, ведущих на темную террасу, и до побеления пальцев сжимаю пластиковый стаканчик с минералкой. Мой взгляд раз за разом машинально скользит по толпе, цепляясь за высокие мужские фигуры, одетые в черное. И каждый раз, не находя нужных плеч, я чувствую глухое, иррациональное разочарование.

— Скучаешь, Соколова?

Я вздрагиваю.

Артем нависает надо мной, перекрывая путь к отступлению. От него разит дорогим виски, а глаза мутные, красные.

— Артем, — я делаю шаг назад, упираясь лопатками в холодное стекло. — Я просто дышу свежим воздухом.

— А почему одна? Где твой цепной коммерсант? — он сально ухмыляется, наклоняясь так близко, что его дыхание обжигает щеку. — Он там распинается перед моим батей по телефону, пытается продать ему воздух.

— Дима скоро вернется. Мне нужно в туалет.

Я пытаюсь обойти его, но он тяжело припечатывает ладонь к стеклу прямо над моим плечом. Блокирует.

— Куда ты торопишься, Саш? — его голос становится липким. Вторая рука ложится на мою талию, грубо сминая ткань платья. — Клим скучный, он тебя вообще не тянет.

— Убери руки, — чеканю я.

Внутри ледяной волной поднимается паника, я пытаюсь оттолкнуть его, но он тяжелый и пьяный.

— Да брось ломаться, — Артем смеется, вжимаясь в меня.

Его пальцы скользят ниже, на бедро.

— Все знают, что ты только строишь из себя...

— Артем, отпусти ее.

Голос Димы.

Я резко выдыхаю, мой парень стоит всего в паре метров от нас. Но... он не делает ни шага вперед.

Он не сбивает Артема с ног, он стоит, судорожно сжимая в руке телефон, и его глаза судорожно бегают.

— О, Димон, — Артем лениво поворачивает голову, даже не думая убирать руку с моего бедра. — Мы тут общаемся, расслабься.

— Артем, ты перепил, — голос Димы звучит ровно.

Так разговаривают с проблемным клиентом, а не с ублюдком, который лапает твою девушку.

— Нам уже пора ехать. У нас же сделка, твой отец просил...

У меня внутри всё обрывается и летит в черную пустоту.

Сделка.

Он стоит и пытается договориться, потому что боится потерять контракт.

— Сделка подождет, — Артем снова поворачивается ко мне. — А вот Саша...

Он не договаривает.

Воздух внезапно будто уплотняется, я не успеваю понять, откуда и как из толпы вырастает черная тень.

Огромная мужская ладонь с разбитыми костяшками намертво сгребает Артема за воротник дизайнерской рубашки.

Рывок.

Артем отлетает от меня, как тряпичная кукла. Раздается глухой, страшный удар плоти о бетонную колонну, а звон разбитого столика с коктейлями тонет в визге девчонок.

Я сползаю по стеклянной двери, хватая ртом воздух.

Это он.

На нем нет формы.

Только черная футболка, туго обтягивающая спину, и темные джинсы. Он выглядит не как охранник, а как хищник, сорвавшийся с цепи.

Артем, сплевывая кровь на дорогой паркет, мычит и пытается подняться на локтях.

Незнакомец не говорит ни слова, он делает один шаг вперед и методично, страшно, без замаха бьет Артема тяжелым ботинком под ребра.

Хруст слышен даже сквозь музыку, Артем воет, сворачиваясь в позу эмбриона.

— Хватит! — кричит Дима, делая судорожный шаг вперед. — Ты что творишь?! Я вызову полицию!

Он медленно поворачивает голову.

Всего один взгляд пустых, мертвых зеленых глаз.

Дима осекается и сглатывает. Делает шаг назад, инстинктивно поднимая руки, и отступает оставляя нас.

А человек в черном снова поворачивается к скулящему на полу Артему и заносит ногу для удара, который точно проломит ему грудную клетку.

— Стой!

Я сама не понимаю, как бросаюсь вперед.

Хватаю его за предплечье, мышцы под черной тканью твердые, как гранит.

— Прекрати! Пожалуйста, хватит! — кричу я в панике. — Ты его убьешь!

Он замирает, медленно поворачивается ко мне.

Переводит абсолютно пустой взгляд на мою руку, лежащую на его плече. Затем смотрит на Диму, вжавшегося в толпу и снова на меня.

Я вижу, как в его зеленых глазах что-то ломается.

Холодная расчетливая ярость сменяется абсолютным, звенящим отвращением.

Он думает, что я защищаю их, защищаю эту гниль.

Охранник из гаражей резко перехватывает мою руку. Его пальцы смыкаются на моем запястье, как стальной капкан. Дергает на себя с такой силой, что я врезаюсь в его жесткую грудь.

От него пахнет улицей, адреналином и чистым бешенством.

— Отпусти! — я пытаюсь вырваться.

Слезы шока обжигают глаза, мой мир только что рухнул из-за трусости Димы, а этот ненормальный добивает остатки.

— Ты не человек... ты животное!

Я замахиваюсь свободной рукой и наотмашь бью его по лицу.

Звук пощечины хлестким выстрелом повисает в воздухе.

Он даже не моргает, лишь медленно стискивает челюсти.

В его глазах закипает концентрированный яд.

Медленно он отпускает мое запястье, но тут же жестко, властно перехватывает мой подбородок пальцами, заставляя смотреть прямо в его зеленые глаза.

— Животное? — его голос звучит низко, вибрируя прямо над моими губами. — Вы, мажоры, сбиваете людей насмерть на трассах, а ваши папочки стирают камеры и покупают вам алиби. Вот где настоящие животные, Седьмая.

У меня внутри всё леденеет.

— О чем ты говоришь? — шепчу я, перестав дышать.

Его пальцы на моем подбородке сжимаются чуть сильнее.

— Спроси у своего папочки, — цедит он, и каждое слово пробивает навывлет. — Спроси у майора Соколова, что он стер из протоколов ДТП три года назад на объездной трассе? Дело Дениса Ястребова...спроси, сколько стоила кровь моего брата.

Он отпускает меня так резко, что я отшатываюсь. Разворачивается и уходит в темноту ночного сада.

А я остаюсь стоять в стеклянных дверях на осколках своей жизни, задыхаясь от слов, которые медленно проникают в сознание.

Глава 12. Ястреб

Ледяная вода из-под крана бьет по разбитым костяшкам, в раковину стекают розовые разводы.

Кровь сына инвестора, надо было сломать ему еще ребра, а не только нос.

Я закрываю кран и тяжело опираюсь руками о края фаянсовой раковины.

В мутном зеркале над ней отражается человек, которого я ненавижу больше, чем любого мажора на той вечеринке.

Я облажался.

Сорвался, как пацан, выложил карты на стол раньше времени. Позволил адреналину и животной злости перекрыть холодный рассудок.

Два месяца подготовки, детальный сбор информации на Соколова, каждый гребаный шаг был высчитан — и всё ради чего? Ради того, чтобы потерять контроль, увидев, как какой-то придурок лапает ее у стекла.

Ее пощечина до сих пор горит на левой скуле фантомным огнем.

— Животное, — тихо повторяю я ее слова.

Она защищала их.

Защищала своего трусливого ублюдка и того отморозка. Бросилась под мои кулаки, рискуя собой, лишь бы я не добил тех, кого она считает «своими».

Я вытираю сухие губы тыльной стороной ладони.

В груди ворочается глухая, тяжелая ярость.

Выхожу из тесной ванной в свою комнату над гаражами.

Здесь пахнет маслом и пылью, хватаю с подоконника сигареты, закуриваю, не открывая окна.

Дым дерет горло, но не успокаивает.

Мой план был идеален, давить на нее медленно. Использовать ее поездки к Резникам, чтобы подцепить на крючок и вытащить из Соколова признание.

Я должен был смотреть, как ее идеальный мир трескается и осыпается штукатуркой. Вместо этого я сам взял кувалду и разнес всё одним ударом.

В тишине комнаты отчетливо слышно как на столе вибрирует телефон.

Тим.

— Да, — говорю я, затягиваясь.

— Я пробил камеры по поселку, откуда ты только что свалил, — голос друга звучит напряженно. — Кирилл, какого хера? Там скорая, менты приехали, сына Белозерова забрали. Ты там бойню устроил?

— Не бойню, а воспитательную работу.

— Ты больной? — Тим почти рычит. — У нас на Соколова еще не всё собрано! Если этот мажор заявку накатает, мы все сорвем. Ты зачем вообще туда поперся?!

— Следил.

— А по лицу ему дал тоже ради слежки?

Я молчу.

Затягиваюсь так глубоко, что фильтр обжигает пальцы.

Тим на том конце тяжело вздыхает.

— Это из-за нее, да? Из-за дочки Соколова... я же говорил тебе, не лезь к бабе, из-за них всегда планы в топку.

— Закрыли тему, — жестко обрываю я. — Что по камерам?

— Я подтер въезд в поселок, твоего лица нет. Чоповцы этого богатенького Буратино бухие были, они тебя даже не срисовали. Но девчонка-то видела, и Климов ее видел.

Я смотрю на фотографию Дениса, приколотую к стене над столом.

Мой старший брат. Смотрю на его улыбку, сохранившуюся лишь на фото, а потом я вспоминаю протоколы, в которых майор Соколов сделал из него пьяную мразь, устроившую аварию.

Седьмая знает.

Теперь она всё знает.

Пойдет ли к папочке, побежит ли жаловаться, что откинувшийся уголовник ей угрожает?

Если побежит — всё кончено. Соколов меня зареет быстрее, чем я успею пикнуть.

Но если она та, кем мне кажется... Если она действительно втайне от отца таскается к Марине Резник...

— Слушай меня, Тим, — говорю я, раздавливая окурок в пепельнице. — Мы переходим ко второй фазе завтра утром.

— Второй фазе? Ты же сказал, мы будем ждать конца универсской сессии, чтобы...

— План изменился, — чеканю я. — С завтрашнего дня мы отрезаем ее от стада. Запускай слив информации по универу, пусть все мажоры узнают, что Соколова — не неприкасаемая принцесса. Пусть знают про левые контракты Климова с ректоратом, угрожим ее репутацию быстро и четко.

— Понял. А если она папаше позвонит?

— Не позвонит, — говорю я, глядя в темноту за окном. — Она гордая, будет сидеть и терпеть до последнего. Я загоню ее в угол, и когда ей станет некуда идти, посмотрим, что она выберет своего правильного отца или правду.

— Кирилл... — чувствую, Тим мнется. — Ты это делаешь, чтобы ее сломать, или чтобы она сама к тебе пришла?

— Я делаю это ради Дениса, — рычу я и нажимаю отбой.

Бросаю телефон на кровать.

Ложь.

Я делаю это ради Дениса, но когда думаю о завтрашнем дне, перед глазами не окровавленный асфальт объездной трассы.

Перед глазами, мать его, темный изумрудный шелк, ее голая спина под рукой другого, и пощечина, обжегшая мое лицо.

Я не останавлиюсь.

Я снесу ее мир до самого основания. И либо она сломается и сольет меня, либо выстоит и узнает, кто такой на самом деле ее отец.

Глава 13. Саша

— Я не мог по-другому, Саш. Пойми, если бы я влез, Артем бы сорвал сделку моего отца. Я просто пытался решить всё дипломатично.

Голос Димы из динамика телефона звучит глухо. Он оправдывается уже десятый раз за утро, и с каждым его словом мне становится всё более мерзко.

Я стою у окна своей спальни с чашкой остывшего кофе. На улице серый, промозглый день, ровно такой же, как и мое настроение.

— Дипломатично? — тихо переспрашиваю я. — Он лапал меня, Дима, он зажал меня в углу.

— Я контролировал ситуацию, я бы не дал ему зайти далеко! А этот отморозок из охраны просто больной псих. Его уже ищет полиция, я уверен, я же тебе говорил, от таких нужно держаться подальше.

Меня начинает тошнить. Я сбрасываю вызов, даже не попрощавшись, откидываю телефон на подоконник.

Контролировал ситуацию.

Боже мой.

Мой парень стоял в двух метрах и умолял Артема отпустить меня, пока тот распускал руки.

Я закрываю глаза и тру виски, в голове пульсирует тупая боль, но она вызвана не Димой.

Дима — это просто разочарование, сдувшийся шарик моих иллюзий.

То, что по-настоящему сводит меня с ума, звучит хриплым, безжалостным голосом прямо у меня в голове:

«Спроси у папочки, что он стер из протоколов ДТП три года назад на объездной трассе в деле Дениса Ястребова».

Эти слова въелись в мой мозг.

Я не спала всю ночь, смотрела в потолок и пыталась убедить себя, что это бред больного, агрессивного уголовника. Что он просто хотел сделать мне больно, мой отец никогда бы так не поступил.

Но перед глазами упорно всплывала папка из кабинета отца.

Антон Резник.

Тоже три года назад, тоже несостыковки.

Мой отец полицейский, он работает на благо и всегда находит виновных.

Дверь в комнату приоткрывается, на пороге появляется папа. На нем свежая рубашка, он уже готов к выезду.

— Доброе утро, принцесса.

Он окидывает меня профессиональным, сканирующим взглядом. Задерживается на синяках от бессонницы под моими глазами.

— Дима молодец. Привез тебя ровно в одиннадцать тридцать, как я и требовал. Минута в минуту, — в голосе отца звучит жесткое удовлетворение контролера.

Плевать, что мне двадцать один, в этом доме его правила.

— Но вид у тебя всё равно такой, будто вагоны разгружала. Говорил же, нечего делать на этих днях рождений посреди учебной недели.

Меня передергивает, Дима притащил меня к машине в состоянии шока, у меня истерика подкатывала к горлу, а он всю дорогу гнал по трассе и судорожно смотрел на часы, потому что боялся гнева майора Соколова больше, чем того, что произошло в доме.

Идеальный мальчик в идеальном ошейнике.

— Всё нормально, пап, — я отворачиваюсь к окну, пряча глаза. — Просто было слишком шумно.

— До сессии никаких выездов по будням, — отрезает он тоном, не терпящим возражений. — Собирайся, тебе пора на пары.

Он закрывает дверь, а я делаю судорожный вдох, словно мне только что не хватало кислорода.

Когда я спустя час с лишним вхожу в здание университета, атмосфера кажется другой.

Тяжелой. Липкой.

Я иду по длинному коридору бизнес-факультета, привычно держа спину прямо. Обычно со мной здороваются, мне улыбаются, кто-то пытается завязать разговор.

Но сегодня люди отводят глаза.

Парочка старшекурсниц у кулера замолкают, как только я прохожу мимо. Парень из студенческого совета, который всегда лез обниматься, проходит мимо, быстро кивнув.

В холле перед аудиторией стоит Дима, он что-то эмоционально доказывает группе парней, размахивая руками.

Увидев меня, он осекается, а парни поворачиваются в мою сторону. В их взглядах нет ни уважения, ни обычного подхалимства, только откровенная насмешка и что-то грязное.

— Саш, — Дима делает шаг ко мне, нервно поправляя воротник.

Он выглядит так, словно не спал неделю.

— Что происходит? — тихо спрашиваю я.

— Ничего. Пошли в аудиторию, — он пытается взять меня за локоть, но я жестко выдерживаю руку.

— Я спросила, что происходит. Почему на меня все так смотрят?

Один из парней за спиной Димы, Влад, чей отец конкурент Диминого, громко хмыкает.

— А ты не видела местный канал в Телеге, Соколова? Вся универская конфа гудит с самого утра.

Внутри у меня всё холодеет, я достаю телефон, открываю студенческий чат.

Там десятки сообщений, ссылки, скриншоты переписок, фотографии.

Первый пост:

«Идеальный мальчик Дима Климов пилит бюджеты ректората через подставные ИП своего отца. Вот сметы на ремонт кампуса. Переплата в три раза».

Второй пост, с моей фотографией. Вчерашняя вечеринка, я стою у стекла, а Артем держит руку на моем бедре. Ракурс такой, будто я сама этого хочу.

И подпись: «Пока мальчик Дима пилит бабки, его недотрога-девушка раздвигает ноги перед сыном инвестора, чтобы папочка не потерял контракт. Элита факультета во всей красе».

У меня темнеет в глазах.

Сотни комментариев, грязь, оскорбления, насмешки.

Мой статус, моя репутация, моё имя — всё это уничтожено за одно утро.

— Саш, это всё фейк! — Дима шипит мне в ухо, озираясь по сторонам. — Про контракты — это клевета, мой юрист уже работает! А фотка... ты же знаешь, что это не так!

Я смотрю на Диму, на его перепуганное лицо и понимаю он боится не за меня.

Он боится за свои контракты и за то, как он теперь выглядит перед всеми.

Я разворачиваюсь и молча иду прочь по коридору.

— Саш, ты куда?! — кричит он мне вслед. — Нам нужно держаться вместе, чтобы всё это замять!

Я не отвечаю, иду к выходу, чувствуя, как взгляды сотен студентов впииваются мне в спину.

Кто-то намеренно слил эту информацию.

Кто-то очень умный, кто знает, как работает этот мир, и как ударить так, чтобы было максимально больно.

Я подхожу к турникетам, на посту охраны сидит пожилой мужчина в форме. Того, кто мог это сделать нигде нет.

Он сказал, что я животное, сказал, что мой мир построен на крови. И теперь он решил этот мир уничтожить?

Я останавливаюсь на крыльце университета, вдыхая холодный воздух. Мне хочется рыдаться, позвонить отцу и спрятаться за его спиной, как я делала всегда.

Пусть он пришлет полицию, пусть удалит каналы, пусть разберется с этим сталкером.

Я достаю телефон, палец замирает над контактом отца.

«Спроси, сколько стоит кровь моего брата».

Я сглатываю жесткий ком в горле, блокирую экран и убираю телефон в карман.

Глава 14. Саша

Я разворачиваюсь на крыльце, подставляя разгоряченное лицо холодному, пробирающему до костей ветру.

Сделать шаг назад, спуститься по гранитным ступенькам, сесть в такси и уехать домой — это самое простое, самое логичное решение.

Спрятаться под тяжелое одеяло, удалить все соцсети, выключить телефон и просто ждать, пока папа всё решит.

Он всегда всё решал.

Один звонок нужным людям, пара угроз, и любая проблема исчезала, словно ее никогда не было.

Но если я это сделаю сейчас, я признаю, что они правы. Что я просто декоративная фарфоровая кукла, пустышка в красивых шмотках, которая ломается от первого же щелчка по носу.

Я сжимаю лямку рюкзака так, что ногти впиваются в ладонь, толкаю тяжелую стеклянную дверь и возвращаюсь в здание университета.

Просторный холл гудит, как растревоженный улей. Но стоит мне сделать шаг за турникет, как этот однородный гул начинает трансформироваться.

Он стихает в центре и распадается на мерзкие, колющие шепотки по краям. Десятки глаз впиваются в меня. Я чувствую этот коллективный взгляд кожей — липкий, оценивающий, жадный до чужого падения.

Кто-то откровенно ухмыляется, не скрывая злорадства. Кто-то перешептывается, прикрывая рот рукой и кивая в мою сторону.

Девочки с потока, которые еще вчера заискивающе улыбались и делали комплименты моей сумке, сейчас смотрят с нескрываемым презрением.

«Слитые контракты». «Подстилка». «Двуличная дрянь».

Слова не произносятся вслух, но они висят в спертom воздухе холла.

Я иду сквозь эту расступающуюся толпу с идеально прямой спиной. Смотрю строго перед собой, сфокусировав взгляд на лепнине над лестницей.

Мои каблуки отбивают четкий, жесткий ритм по мраморному полу.

Цок. Цок. Цок.

Если я ускорю шаг, они поймут, что я бегу. Если замедлю — решат, что сломалась.

Краем глаза замечаю Диму.

Он стоит у расписания с Владом и еще парой парней с экономического. Дима выглядит помятым, бледным, он что-то судорожно им доказывает, активно жестикулируя.

Увидев меня вновь, он осекается, его руки безвольно опускаются вдоль туловища, а глаза начинают бегать, избегая прямого контакта.

Он делает неуверенный шаг наперерез.

— Саш... — блеет он, и в его голосе столько жалкой, трусливой мольбы, что меня едва не тошнит прямо здесь. — Саш, послушай, мой отец сказал, что нам пока лучше...

Я не останавливаюсь, я даже не поворачиваю головы в его сторону. Прохожу сквозь него, как сквозь пустое место, задев плечом.

Климов отшатывается, замолкает, а за моей спиной кто-то из парней тихо, издевательски присвистывает.

Трус.

Жалкий, ничтожный человек, для которого репутация папиной фирмы важнее девушки, которую он называл любимой.

Я поднимаюсь по парадной лестнице.

Второй этаж. Третий. Четвертый.

Сюда студенты забредают только во время сессии, здесь расположены старые лекционные аудитории-амфитеатры, пропахшие мелом и пылью.

Толкаю массивную дубовую дверь 412-й аудитории.

Пусто.

Только ряды исписанных деревянных парт, уходящие крутыми ступенями вниз к профессорскому столу, и гулкое, давящее эхо.

Я захожу внутрь, прохожу к ближайшему ряду, бросаю рюкзак на стол и опираюсь поясницей о край парты.

Только сейчас, когда на меня никто не смотрит, я позволяю себе выдохнуть.

Грузовой состав, который, казалось, стоял у меня на груди, чуть сдвигается.

Руки начинают дрожать мелкой, противной дрожью. Мне приходится сцепить их в замок до побелевших костяшек, чтобы унять этот тремор. В горле печет от сдерживаемых слез, глаза режет, но я не позволю себе заплакать.

Ни за что.

Ни из-за Димы, ни из-за этих гиен в холле.

Пока я судорожно вдыхаю носом раздается тихий, сухой щелчок.

Звук поворачивающегося в замке ключа. Я резко поднимаю голову, и весь воздух, который я вдыхала выбивает из легких.

Дверь аудитории закрыта.

А у входа, прислонившись плечом к деревянному косяку и сливаясь с тенями, стоит он.

Ястребов... имени я до сих пор не знаю.

На нем снова эта глухая черная форма, берцы, руки скрещены на груди.

На левой скуле покраснение — след от моей вчерашней пощечины.

Он смотрит на меня своими невыносимыми, прозрачно-зелеными глазами, и в этом взгляде нет ни капли удивления.

Он будто ждал меня здесь, словно знал, что я не уеду, знал, куда я пойду прятаться.

— Почему не плачешь, Седьмая? — его голос эхом разносится по пустой аудитории.

Ровный, безжалостный, он бьет по натянутым нервам, как смычок по порванной струне.

— Папочка не взял трубку? Или ты еще не придумала, как объяснить майору Соколову фото с чужой рукой на твоём бедре?

Мой страх, липкий и холодный, мгновенно сгорает во вспышке ослепительной, кристально чистой ярости. Адреналин бьет в голову так сильно, что в ушах начинает звенеть.

— Это твоя работа, — чеканю я, не сдвинувшись с места, мой голос звучит на удивление твердо. — Твои дешевые сливы, эта грязь...

Он медленно отрывается от двери и начинает спускаться по ступеням амфитеатра ко мне.

Его движения бесшумны, текучи, как у крупного хищника, загнавшего добычу в угол.

С каждым его шагом воздух в аудитории становится всё плотнее, словно он выкачивает отсюда весь кислород, заполняя пространство собой.

— Я просто включил свет в твоём террариуме, Соколова.

Он спускается еще на один ряд.

— Показал тебе, чего стоят твои друзья и твой ручной мажор, когда начинает пахнуть жареным. Иллюзии всегда разбиваются больно.

Он останавливается в двух шагах от меня. От него пахнет крепким табаком и чем-то неуловимо жестким, запахом мужской агрессии.

— Ты доволен? — я вскидываю подбородок, глядя ему прямо в глаза. — Уничтожил репутацию девчонки в интернете. Герой. Тебе, наверное, очень гордо от этого. Чувствуешь себя победителем?

Его челюсти сжимаются, желваки перекатываются под кожей. Взгляд тяжелеет, становится почти осязаемым, физически давящим на плечи.

Но я все равно делаю шаг вперед, сокращаю дистанцию до критического минимума.

— Ты жалкий, — выплевываю я ему в лицо, и каждое мое слово сочтется ядом. — Мстишь мне за то, что не можешь достать моего отца? Прячешься за фейковыми аккаунтами, потому что в реальной жизни ты просто откинувшийся зек, который может только бить исподтишка? Кем бы ты ни был, ты трус, такой же, как Дима.

В его зеленых глазах вспыхивает темное пламя, а маска холодного контроля трескается.

Он делает бросок, быстрый, нечеловечески резкий, как удар хлыста. Я даже не успеваю моргнуть, как его ладони с пугающим грохотом опускаются на край парты по обе стороны от моих бедер.

Он запирает меня в ловушку из своего крепкого тела и старого дерева. Охранник нависает надо мной, его лицо оказывается в считанных сантиметрах от моего.

Я инстинктивно вжимаюсь поясницей в стол, задыхаясь от близости, но не отвожу взгляд.

— Жалкий? — его голос падает до угрожающего, вибрирующего шепота, от которого крошечные волоски на моих руках встают дыбом. — Ты ничего не знаешь о том, что такое жалость, принцесса. Ты всю жизнь жрала розовые хлопья, спала на шелковых простынях и верила в сказки папочки, пока другие захлебывались кровью из-за твоей гребаной семьи.

— Так Расскажи мне! — кричу я прямо ему в губы, больше не в силах сдерживаться.

Горячие, злые слезы всё-таки прорываются, обжигая щеки.

— Хватит говорить загадками! Хватит играть со мной! Кто такой Денис Ястребов?! Что мой отец сделал с твоим братом?!

Он замирает.

Я физически ощущаю, как вздрагивает его тело, вижу, как дергается кадык на его шее. Как в прозрачных глазах на секунду мелькает такая бездонная, живая, кровоточащая боль, что у меня перехватывает дыхание.

Его пальцы, сжимающие край парты, белеют от напряжения. Старое дерево под ними тихо, жалобно трещит.

— Ты уверена, что хочешь это знать? — хрипло спрашивает он.

Его дыхание обжигает мне скулу, но в этом вопросе нет угрозы, только мрачное предупреждение.

— Уверена, что сможешь с этим жить? Потому что если я расскажу тебе правду, Соколова, ты больше никогда не сможешь смотреть на своего папашу прежними глазами. Твой идеальный мир сдохнет прямо здесь, на этой парте.

— Мой мир уже сдох, — шепчу я, глядя в его глаза и не пытаясь вытереть слезы. — Благодаря тебе, так что мне нечего терять. Говори.

Мы стоим так непозволительно близко, что я чувствую, как тяжело и неровно вздымается его грудь, едва соприкасаясь с моей.

Напряжение между нами искрит, как оголенный провод, брошенный в лужу. Это больше не просто ненависть жертвы и палача.

Это что-то болезненное, темное и разрушительное, что связывает нас намертво в этой пустой аудитории.

Ястреб медленно отрывает одну руку от парты.

Я не дергаюсь, не отстраняюсь, когда его жесткие, мозолистые пальцы касаются моей щеки. Он стирает мокрую дорожку от слезы большим пальцем.

Одно неуловимое, почти нежное движение. Но это прикосновение обжигает сильнее удара.

— Два года назад, — его голос звучит так тихо, что мне приходится затаить дыхание, чтобы расслышать. — Пьяный ублюдок-мажор вылетел на встречу на объездной трассе. Он смял легковушку в гармошку, он сбил насмерть моего старшего брата, Дениса. А за рулем той машины сидел человек, которого твой отец опекает. Сын чиновника, с которым майор Соколов ведет дела.

Парень склоняется еще ближе ко мне.

— Твой отец приехал на место аварии первым, Седьмая. Он стер записи с камер видеонаблюдения на заправке, он лично тасовал данные моего мертвого брата при судмедэкспертизе, сделав его полностью виноватым. А когда я начал копать и нашел свидетелей...он посадил меня в СИЗО по несуществующему делу, чтобы я не мог открыть рот.

У меня подкашиваются ноги, мир перед глазами кренится, теряя очертания.

Если бы Ястреб не запер меня между своими руками, если бы я не опиралась на стол, я бы просто сползла на грязный линолеум.

— Нет... — мой голос срывается на жалкий, надломленный писк.

Я мотаю головой.

— Нет, это ложь. Папа не мог, он офицер... Он не мог так поступить...

— Мог, — безжалостно обрывает он, резко отстраняясь.

Его лицо снова превращается в непроницаемую каменную маску. Тепло его тела исчезает, оставляя меня дрожать от холода.

— И сделал. А теперь живи с этим, принцесса.

Он разворачивается, идет к выходу, отпирает дверь и выходит в коридор, даже не оглянувшись.

А я остаюсь сидеть на деревянном столе, судорожно глотая ртом пыльный воздух в пустой аудитории.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.